

Разнообразие животных N 4

Пернатые многоженцы

Зоологический
институт
Российской
академии наук

Разнообразие животных

Владимир Паевский
Пернатые многоженцы

«Товарищество научных изданий КМК»

2007

Паевский В. А.

Пернатые многоженцы / В. А. Паевский — «Товарищество научных изданий КМК», 2007 — (Разнообразие животных)

ISBN 978-5-87317-383-9

В книге в популярной форме рассказывается о поведении птиц, связанном со всеми явлениями их брачной жизни – ухаживании, пении, браках, изменах и разводах. На примерах многих видов из разных систематических групп птиц на всех континентах описываются различные формы брака – моногамия и полигамия, колониальное и кооперативное размножение. Рассказывается о демонстративном поведении, брачных церемониях птиц, их турнирных схватках. Обсуждаются преимущества разных типов супружеских связей, возрастной состав брачных пар, внебрачное отцовство, гибридизация птиц. Основа содержания книги – мировая научная орнитологическая и общебиологическая литература по проблемам размножения и брачных систем животных. Автор – профессиональный зоолог, доктор биологических наук. Книга рассчитана на широкий круг читателей – тех, кто интересуется птицами, а также на экологов, студентов-биологов и преподавателей биологии в средних и высших учебных заведениях.

ISBN 978-5-87317-383-9

© Паевский В. А., 2007
© Товарищество научных изданий
КМК, 2007

Содержание

Введение	6
Демонстративное поведение и ухаживание у птиц	8
Пение как демонстрация и коммуникация	10
Танцы – состязание в силе и удали	20
Токовые полёты	25
Показательные выступления партнёров	28
Брачные церемонии	30
Детские впечатления как основа взрослой жизни	34
Разноцветье самцов и самок – путь к успеху	37
Гусь – образец степенного семьянина	42
Феерические игрища райских птиц	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Паевский

Пернатые многожёнцы: браки, измены и разводы в мире птиц

© В. А. Паевский, текст, рисунки, фотографии, 2007

© Товарищество научных изданий КМК, издание, 2007

Издание осуществлено при финансовой поддержке Зоологического института РАН

Посвящается повседневной, рутинной и захватывающей работе орнитологов, независимо от того, проходит ли она в природе, где птицы мелькают в окулярах бинокля, в лаборатории, где экспериментальные птицы открывают загадки их свободных родичей, или за письменным столом и компьютером, где замечательная жизнь птиц предстаёт в виде интереснейших цифр, формул, гипотез и моделей.

Введение

Распустив крылья, выпятив грудь и надсадно чирикавая, самец воробья горделиво демонстрирует свою удалость и мужские достоинства перед самкой. Его избранница, делая вид, что занимается исключительно поисками съедобных крошек на асфальте, временами с видимой угрозой кидается на ухажёра, ничуть, однако, не умеряя пыл его любовных ухаживаний. Весьма заинтересованные происходящим, к этой парочке присоединяются соседние воробьи, и вскоре оглушительно чирикающая свора исчезает за ближайшими кустами. Типичная весенняя сценка на улицах большого города... Воробьи – одни из самых известных нам птиц, и, казалось бы, мы должны хорошо знать их образ жизни. Однако до последнего времени даже орнитологи не всегда могли ответить на простые вопросы о семейной жизни наших соседей. В самом деле, кто знает о деталях птичьей любви и их сексуальных похождениях? В каком возрасте они обзаводятся семьей, и насколько крепки их семейные узы? Как у них обстоят дела с супружеской верностью, браками и разводами?

Интерес к таким вопросам можно, конечно, удовлетворить чтением специальной орнитологической литературы. Но для неспециалиста это чтение вряд ли будет захватывающим. Научный язык столь специфичен, что о сексуальных отношениях у птиц придется читать, например, в статьях о «тенденциях в эволюции репродуктивных стратегий», об «онтогенетических аспектах мотивации видоспецифичных форм поведения» или о «реализации социосексуальных потенций». Моя задача – рассказать о птичьих свадьбах и разводах простым, доступным языком.

Почему же о таких занимательных вещах, как семейные проблемы у диких животных, лучше всего рассказывать на примере птичек? Да просто потому, что птицы, как, впрочем, и бабочки, – наиболее заметная нам группа живых существ. Птицы поневоле привлекают внимание даже тех людей, которые весьма далеки от натуралистических интересов. Все черты поведения птиц, в отличие от других животных, очень броские, а иногда и весьма театрализованы, как будто птицы специально выступают перед нами на своей вечной сцене жизни.

Нам покажутся совсем безжизненными и водная гладь без скользящих над ней чаек, и лесные заросли без громкого птичьего многоголосья, и поля без звуков радостной песни жаворонка. Пение птиц всегда являлось неиссякаемым источником вдохновения и для композиторов, и для поэтов, а в фольклорных образах птицы неизменно были главными персонажами. В государственной символике многих стран хищные птицы, как символ силы и величия, всегда занимали первое место. И наш российский двуглавый орел, и американский

белоголовый орлан – национальные эмблемы. В науке птицы тоже оказались столь же популярными. Орнитология как самостоятельная отрасль биологии – одна из наиболее разработанных в наше время. Важные закономерности в зоологической систематике, в зоогеографии и в экологии были сформулированы на примере птиц. Знаменитые исследователи поведения животных Конрад Лоренц и Нико Тинберген стали нобелевскими лауреатами, изучая именно птиц.

В этой книге я постараюсь описать не только разные, в том числе и весьма впечатляющие формы поведения птиц, сопровождающие все процессы их брачной жизни, но и те явления, о которых до сих пор нет общепринятого мнения среди орнитологов и этологов (специалистов по поведению животных). Популярно рассказывая о поведении птиц и зверей, весьма легко встать на путь полного отождествления их действий и поступков с понятными для нас формами поведения человека, то есть на путь антропоморфизма. Полагаю, однако, что сводить всё разнообразие поведения животных к инстинктивной деятельности столь же неверно, как и отрицать естественное происхождение человека как биологического вида. Во многих статьях и книгах о поведении животных вопросы об их умственных способностях почти всегда наиболее дискуссионные и интригующие. Причины этого чаще всего кроются в том, что их обсуждение основано на разрозненных наблюдениях за совершенно разными видами и группами животных, а сравнивать их чрезвычайно трудно. Даже близкие виды птиц обладают весьма специфическими способностями решать те или иные жизненные задачи.

Демонстративное поведение и ухаживание у птиц

*Как издевательски мудра природа —
Все эти птички, бабочки, поля!
Ведь всё вокруг — для продолженья рода,
Для новой жизни, вечной, как Земля.
Всё на продажу: гребни, шпоры, пенье,
Присоски, запах, цвет и бахрома,
И половые органы растений
(В быту — цветы), и их же аромат.
И всё кругом — под знаком копуляций,
От битвы тигров до разлёта спор,
И нет заминок в росте популяций,
Коль эффективен половой отбор.*

У всех птиц начало периода размножения связано с резким изменением характера их действий и поступков — все они проявляют поведение, которое орнитологи называют демонстративным, или «токовым». Под этим понимаются и всякие необычные позы, и исступленные крики, и танцы у журавлей, и погони по воде уток и лысух, и барабанная дробь дятла по сухому дереву, и токование глухарей и тетеревов, и кувыркание в воздухе над полями чибисов, и просто обычное весеннее пение птиц. Всё это начинается из-за активизации половых гормонов под влиянием внешних сезонных факторов и предназначено для единственной цели — продемонстрировать свою способность и готовность к половым контактам.

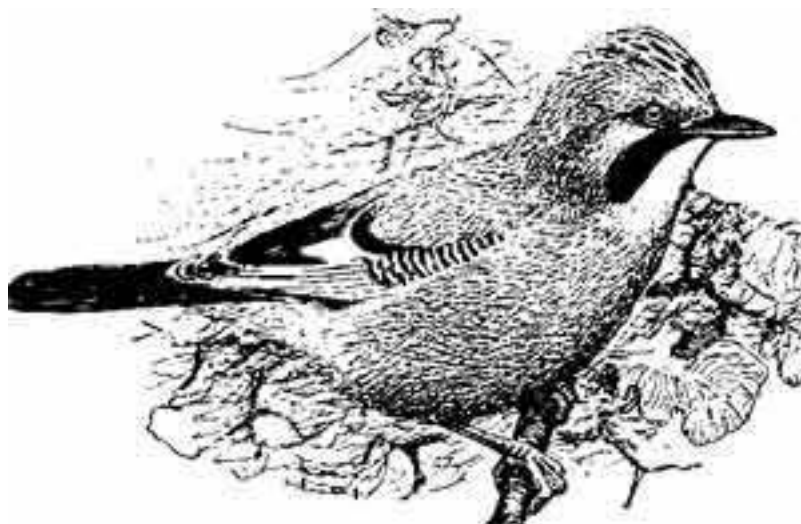
Брачные игры птиц, по-видимому, постепенно сформировались из обычных движений, присущих каждому виду, но в процессе полового отбора они приобрели особую специализацию и интенсивность. Половые различия в этих телодвижениях чаще всего вполне понятны для нашего восприятия – самцы демонстрируют наиболее яркие или выдающиеся части своего оперения, принимая ради этого всевозможные позы, которые можно назвать чванливыми, а в поведении самок можно усмотреть что-то, напоминающее кокетливый характер общения.

Пение как демонстрация и коммуникация

Музыкальные способности птиц, их пение, радующее и успокаивающее, в нашем сознании неразрывно связаны с весной, с приходом нового, с надеждами на лучшее. Среди всех животных птицы наиболее совершенны в отношении акустической сигнализации. Только некоторые из них вообще безголосы – аисты, отдельные виды пеликанов и грифов. Они используют неголосовые способы тока. Свыше пяти тысячи видов птиц, т. е. более половины всех ныне живущих, относятся к так называемому подотряду «певчих воробьиных» – они обладают специальным устройством гортани с голосовыми мышцами, позволяющими издавать самые разнообразные звуки. Для многих людей, однако, оказывается шокирующим тот факт, что и ворона со своим карканьем тоже относится к этой славной половине птичьего мира. Тем не менее, и сама ворона, и такие её ближайшие родственники, как ворон, сорока и грач при их воспитании человеком, начиная с возраста птенца, настолько способны к звукоподражанию, что иногда прекрасно имитируют человеческую речь.

А ещё одна воронья «родственница» – сойка – замечательна не только своим оперением, особенно ярко-голубыми с чёрными полосками кроющими перьями крыла, но и своим пересмешничеством. Собственная её видовая позывка – весьма неприятное для человеческого уха сочетание гнусавости и хриплого дребезжания, издаваемого очень резко и громко. Однако она способна прекрасно имитировать и пение других видов птиц, и всяческие сельские звуки – от кудахтанья кур до скрипа ворот, и музыкальные мелодии, и все интонации голоса человека.

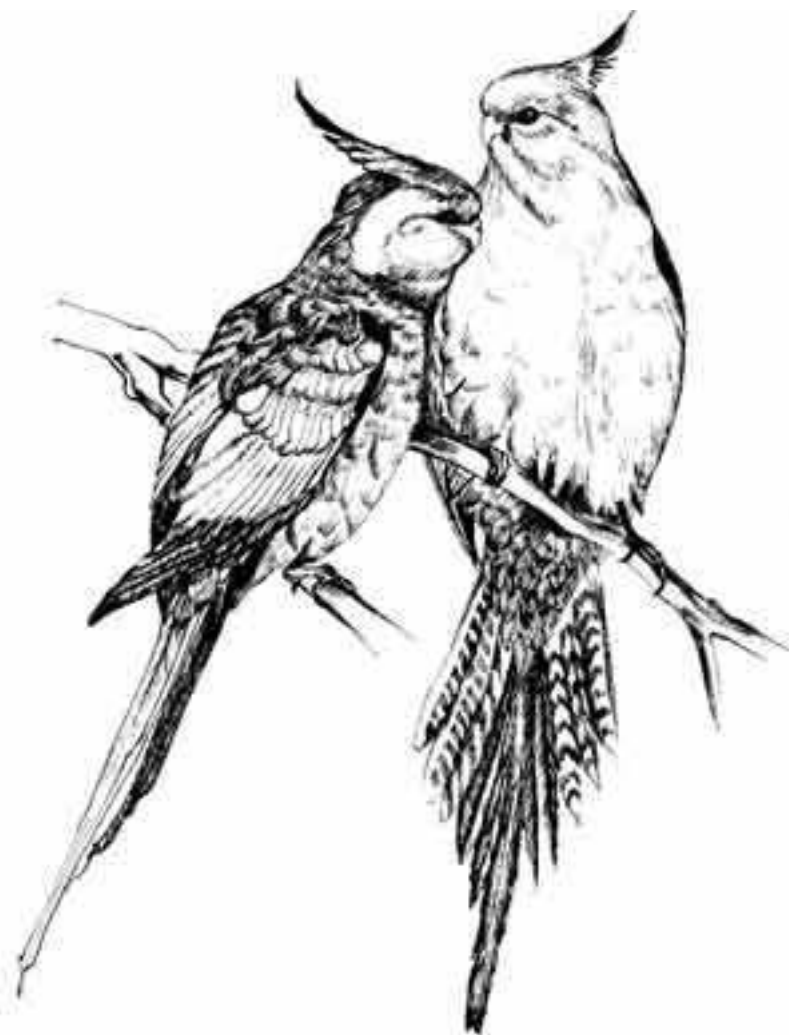
Голосовая имитация и пересмешничество – очень интересное и ещё мало изученное явление природы. До сих пор не выяснено, каков же биологический смысл звукового подражательства. Существующие версии вряд ли можно считать убедительными: одни полагают, что самцы таким образом усиливают защиту своей территории, вводя в заблуждение потенциальных конкурентов, другие же считают, что большее количество самых разнообразных звуков стимулирует организм самок к повышенной продуктивности, и они откладывают больше яиц.

Среди птиц средней полосы России известно более десятка видов, у которых в собственную весеннюю песню «вплетаются» отдельные звуки или целые строфы из песен других видов птиц, а иногда и звуки чисто индустриального характера. Способность птиц к имитации настолько сильна, что иногда заученные звуки воспроизводятся гораздо чаще, чем свои собственные. Наибольшим подражательством отличаются болотная и садовая камышёвки, зелёная пересмешка, сорокопут-жулан, скворец. Замечательное искусство скворца абсолютно точно воспроизводить голос иволги и чечевицы иногда ставит в тупик орнитологов, регистрирующих даты весеннего прилёта птиц: иволга и чечевица прилетают поздно, а их голос вдруг раздаётся в начале весны. Что же касается самой иволги, то эти крупные яркие птицы издают такие разные, контрастные звуки, что непосвящённому бывает трудно поверить, что это голос одной и той же птицы – великолепные флейтовые строфы с совершенной музыкальной модуляцией сменяются резкими пронзительными криками, весьма неприятными для человеческого уха. К чести скворцов надо сказать, что они имитируют лишь самую флейтовую песню иволги, а не её неприятную позывку.

Как известно, наиболее «говорящие» птицы – попугаи, «приматы птичьего мира», как их иногда называют за весьма осмысленное поведение, с человеческой точки зрения. Первые попугаи были привезены в Римскую империю ещё до нашей эры. Они изумляли европейцев не только будоражащим великолепием своих цветовых сочетаний, но и способностью к имитации человеческой речи, а впоследствии – и необычайным для домашних птиц долголетием. В те времена попугаев могли содержать только очень богатые патриции, способные заплатить за это иноземное говорящее чудо больше, чем за сильного здорового раба.

Из 325 видов мировой фауны попугаев лишь несколько способны к такому качественному воспроизведению слов, которое понятно слушателю «без перевода». Индивидуальные особенности тоже очень велики, но лишь некоторые птицы могут произносить слова без искажения, ясно и отчетливо. Отдельные их представители, признанные чемпионами на специальных конкурсах, способны выговаривать несколько сотен слов, а лучшие из лучших – до ста пятидесяти «осмысленных фраз» в адекватной ситуации.

По поводу биологического значения пения птиц, как формы биокommunikации, высказывалось много разных мнений. Поскольку самцы певчих птиц во время исполнения песни стараются занять наиболее заметное место на облюбованном участке – сухую ветку на вершине дерева или самый высокий куст, то пение стали рассматривать как средство для отпугивания других самцов. Так утвердился взгляд на песню как громкую демонстративную заявку на владение участком земли и как воинственный вызов всем потенциальным конкурентам (агрессивное предупреждение в самой мелодичной форме).

Известный орнитолог, профессор Ленинградского университета Алексей Мальчевский считал такую точку зрения недоразумением. Он полагал, что основное значение песни – призывное. Песня – это демонстрация самцом собственных достоинств, своей силы, красоты и возможности иметь такое же здоровое потомство. Эта демонстрация обращена прежде всего к противоположному полу. В пользу мнения Мальчевского свидетельствуют многочисленные факты пения вне своего гнездового участка, а также прекращение интенсивного пения после появления птенцов, когда, казалось бы, надо защищать свой участок и свои пищевые ресурсы с удвоенной энергией. Впрочем, вполне возможно, что, как всегда бывает при любых противоречиях, истина находится где-то в середине между полярными мнениями, и пение птиц многофункционально. Это и заявка на территорию, и привлечение подруги (может быть, именно поэтому воинственность выражается столь мелодично?). Во всяком случае, хорошо известно, что далеко не все самцы обзаводятся своим участком и своей супругой, оставаясь весь летний сезон своего рода одинокими «бомжами». В то же время другие становятся обладателями наилучшей территории и одновременно привлекают на неё нескольких самок. Любые территориальные конфликты, как и во всём живом мире, включая человека, имеют сугубо экономические причины. Своя собственная территория, да к тому же имеющая ценные для жизни качества – это свобода, благосостояние и возможность иметь многочисленное потомство.

Интенсивность пения каждого пернатого певца значительно увеличивается при насыщенной звуковой среде. Слушая песни нескольких самцов где-нибудь в лесу или саду, становится совершенно очевидно, что между ними возникает нечто вроде соревнования на более громкую и затейливо исполненную видовую вокализацию. Пение одних птиц активизирует

пение других, иногда совсем разных видов, и это принято называть звуковой индукцией. Иногда стимулирующее воздействие на пение оказывают и совершенно механические звуки. Многим любителям комнатных птиц хорошо известно, что чем громче звуки льющейся из крана воды, тем быстрее и громче запевают их питомцы.

Наш обыкновенный рябчик, птица типично лесная, весьма молчалив, и его видовая позывка – тонкий свист, издаваемый им, как ни странно, с раскрытым клювом. Песня рябчика – тот же свист, только немного протяжнее. Во время ухаживания за самкой он распускает крылья, разворачивает перья хвоста, поднимая их почти вертикально, задирает голову вверх и топорщит перья на груди и шее. Временами, в момент особого возбуждения, самец взлетает с земли на 1–2 метра, громко хлопая крыльями.

В отличие от нашего рябчика, живущего во время размножения отдельными парами, американский воротничковый рябчик – многожёнec, и самцы спариваются с несколькими самками. Самый эффектный элемент его брачной демонстрации – барабанная дробь, выбиваемая крыльями в ускоренном и убыстряющемся темпе. Издавая такие звуки, самец вытягивается вертикально, опираясь на хвост, и так звучно бьёт крыльями в воздухе, что возникает впечатление, что он как бы аплодирует в бешеном темпе, хотя при этом концы крыльев даже не касаются друг друга. При появлении самки он, топорща чёрные с металлическим отливом

пучки перьев по бокам шеи (за что и получил свое название воротничкового), интенсивно крутит головой, демонстрируя неотразимые формы и цвет своего воротничка, и издаёт при этом шипение, весьма напоминающее звуки трогаящегося с места паровоза. Никакой настоящей песни у этого рябчика, как впрочем, и у нашего, не существует.

Групповое, т. е. практически хоровое исполнение видовой песни, присуще меньшему числу видов птиц, чем обычная индивидуальная вокализация. Групповое пение на токах весной наиболее характерно для тетеревов и дупелей. И если токовое пение дупелей слышал далеко не каждый орнитолог, то «бормочущие» звуки тетеревиного тока знает большинство охотников. Эти, казалось бы, негромкие булькающе-воркующие звуки, сливаясь в общий хор сплошного гулко-бормотанья, далеко, на несколько километров, разносятся по утреннему весеннему лесу. На этот радостный лесной гул с равным вожелением слетаются и подкрадываются и тетерки, и охотники.

Особый тип птичьего пения – дуэты, когда весеннюю демонстративную песню самец и самка исполняют одновременно. Частный случай дуэтного пения – антифональное, когда одна птица начинает песню, а другая продолжает и завершает ее, и у слушателя возникает отчетливое впечатление, что поёт только одна птица. Из наших птиц дуэтное пение бывает у журавлей и некоторых сов. Такое пение свойственно одной из редких птиц нашей страны – рыбному филину, обитающему по берегам рек Дальнего Востока. Впервые подробно описал жизнь этой малоизученной птицы орнитолог Юрий Пукинский, выпустивший за свою жизнь много популярных книг с замечательными фотографиями птиц. На таёжной реке Бикин, возле которой он с коллегами впервые в истории орнитологии обнаружил гнездо с кладкой одной из очень редких птиц мира – черного журавля, было найдено и гнездо рыбного филина. В наблюдениях за этим гнездом Пукинский бесценно провёл много дней и ночей, и в первую же ночь с изумлением обнаружил, что брачная песня этого филина, состоящая

из серии низких, глухих, но надсадных звуков принадлежит не только самцу, а представляет собой дуэт сидящих рядом супругов. Отделяя песню от песни промежутком всего лишь в восемь секунд, они слаженно, в строгой последовательности выкрикивают отдельные элементы этой песни.

Наиболее часто дуэтное пение встречается у тропических птиц, обитающих среди густых зарослей. В лесах и саваннах африканского континента можно услышать короткую, очень приятную и музыкальную для нашего слуха песню, часто повторяемую с чёткими интервалами. Это поёт эфиопский певчий сорокопут, которого называют также тропическим бубу, или птицей-колокольчиком. Небольшая птица с чёрным верхом и красным брюшком обитает в густых лесных зарослях Восточной Африки. Только очутившись между самцом и самкой этого вида, можно понять, что первые ноты в этом концерте доносятся с одной стороны, а следующие – с другой. Начинает и ведет песню чаще всего самец. Иногда же звуки совпадают – супруги поют в унисон. Такое своеобразное вокальное общение характерно для нескольких видов певчих сорокопутов, живущих в африканских лесах. Несомненно, что в условиях густой тропической растительности такая акустическая связь просто необходима.

Танцы – состязание в силе и удали

Эффектная форма брачного демонстративного поведения – танец, наиболее привлекательные у таких крупных птиц, как всем известные журавли, которые знакомы нам начиная с самого детства, когда мы листаем свои первые книжки. Почему-то именно журавли, частые персонажи и среди фольклорных образов, и в песнях и стихах, вызывают у нас и дружеские чувства, и необъяснимую грусть. Может быть, это в первую очередь связано с их печальным курлыканьем, доносящимся с осеннего безрадостного неба, когда журавлиный клин – стая этих долговязых птиц, как-то нелепо вытянув шеи и ноги и равномерно взмахивая широкими крыльями, медленно, но неизбежно растворяется в сентябрьском тумане. Мощное и трубное курлыканье серых журавлей – это тоже антифональное дуэтное пение. Как песня, так и призывный крик, исполняемый двумя птицами, состоит из двух слогов – первого «кур», который произносит одна из птиц, чаще самец, и второго «лы», произносимого другой птицей из пары.

Журавли, как считают многие орнитологи, верные семьянины – пары у них образуются очень надолго, до смерти одного из супругов. Вскоре после весеннего прилёта на места гнездования половозрелые журавли, в возрасте не менее четырех лет, начинают свои эффектные брачные игры – весьма характерные «песни и пляски». Собравшись небольшой группой, под аккомпанемент громких криков, птицы начинают подпрыгивать, топтаться, взмахивая крыльями, принимать странные, а иногда и, с нашей точки зрения, забавные или нелепые позы. Те птицы, у которых нет брачного партнёра, настойчиво зазывают к себе на участок, и в этом случае у серого журавля слышится только один слог из «кур-лы».

Лихо танцуют все виды журавлей – и пока ещё многочисленный серый журавль, и очень редкие, внесённые в Красные книги, японский и белый журавль (или стерх). Весенние пляски свойственны также и замечательному африканскому венценосному журавлю с золотисто-жёлтой короной над чёрным лбом, и журавлю-красавке. Этот последний, обитающий у нас в стране в сухих степях, солончаках, а иногда и на пастбищах довольно близко к поселениям человека, очень красив и грациозен. Сизо-серая спина, блестяще-чёрные голова и шея, большие белые пучки перьев, тянущиеся от глаз по бокам затылка и темно-красные глаза – прекрасное сочетание для птицы с горделивой осанкой на фоне красно-бурых степных просторов. Красавки собираются на свои весенние танцы большими сплочёнными группами, иногда образуя круг, в середине которого пляшут самые заядлые танцоры, издающие громкие призывные крики. Птицы явно веселятся, грациозно взмахивая крыльями, приседая, и иногда подбрасывая вверх сорванные растения.

Нечто подобное танцам, но в более акробатической манере, свойственно и небольшим, очень ярко окрашенным тропическим птицам из семейств манакиновых и котинговых (подотряд кричащих воробьиных). У группы красноногих манакинов наиболее эффектные брачные демонстрации присущи длиннохвостому манакину, обитающему от Коста-Рики до Южной Мексики. По описаниям орнитолога Пола Слада, эта птица может демонстрировать два типа танцев. В первом из них два самца усаживаются на горизонтальной ветви невысоко над землей недалеко друг от друга. Строго поочередно каждая птица вспархивает вверх примерно на полметра, издавая гортанный мяукающий звук, и как бы замирает в воздухе, распушая все перья и демонстрируя свою красную шапочку, ярко-голубую спину, очень длинный хвост и ярко-оранжевые ноги. Затем она опускается на исходную точку, а второй самец тут же резко взмывает вверх с тем же кошачьим мяуканьем и тоже замирает в воздухе, демонстрируя те же части тела. Постепенно частота этих поочередных взлетов увеличивается, а высота взлета уменьшается, и, наконец, птицы впадают в какое-то эпилептическое безумное неистовство, соревнуясь с мелькающей быстротой, пока внезапно этот танец не заканчивается. Для исполнения другого типа танца два самца располагаются в метре друг от друга, держа тело параллельно ветке, на которой сидят. Первая птица взмывает вверх со своей кошачьей вокализацией и замирает в воздухе, вторая же в этот момент с громким хлопанием крыльев и мерными низкими звуками «выталкивает» себя точно на то место ветки, где была первая птица. И всё это начинает повторяться с циклической регулярностью, очень напо-

миная жонглирование разноцветными мячами. А в это время скромно окрашенные самки, укрывшись за густой листвой, внимательно наблюдают за акробатикой своих женихов.

Очень ярко окрашенные птицы с игривым названием «скалистые петушки» из семейства котинговых населяют горные утёсы среди буйных тропических лесов Южной Америки. Один из самых известных – перуанский, или андский скалистый петушок, отличающийся киноварно-красной окраской оперения и такого же цвета густым и всегда расправленным высоким хохлом. Самцы этого вида собираются на групповой ток на полянах среди скал в джунглях Амазонии. До 20 токующих птиц танцуют одновременно, принимая всевозможные позы, распуская крылья и топорща перья. Танцы сопровождаются громкими хриплыми криками, оправдывающими общее название всего подотряда «кричащих воробьиных» птиц, в отличие от «певчих воробьиных».

На африканском континенте тоже есть подобные танцы птичьей мелкоты. Общественные танцы на специальных площадках свойственны бархатным ткачам – представителям многочисленного, яркого и шумного племени ткачиков. Это большое семейство разнообразных по окраске мелких птиц, к которому принадлежат и наши воробьи. Большинство видов ткачиков обитают в тропиках и субтропиках и гнездятся крупными колониями. Своё название эти птички получили из-за владения замечательным искусством сложного плетения своих гнёзд. Из травы и лубяных волокон они мастерски плетут всякие сооружения

весьма разнообразной формы: от изящных отдельных построек в виде опрокинутых бутылок и колб до огромных коммунальных домов, достигающих до пяти метров в диаметре и напоминающих стога сена, водружённые на деревья. Вход в гнезда – с нижней стороны этих конструкций; самцы обычно токут, подвесившись сбоку возле входа, взмахивая крыльями и истошно голоса. У многих ткачиков существует особый брачный церемониал преподнесения своему партнёру веточки или травинки, и делают это как самцы, так и самки. В чём-то это действие схоже с ритуальным кормлением, но, возможно, имеет и другой подтекст. Иногда та птица, которой делается подношение, низко кланяется своему дарителю, но не из-за чувства благодарности, а просто от избытка нахлынувших чувств, выражающих доверие и подчинение.

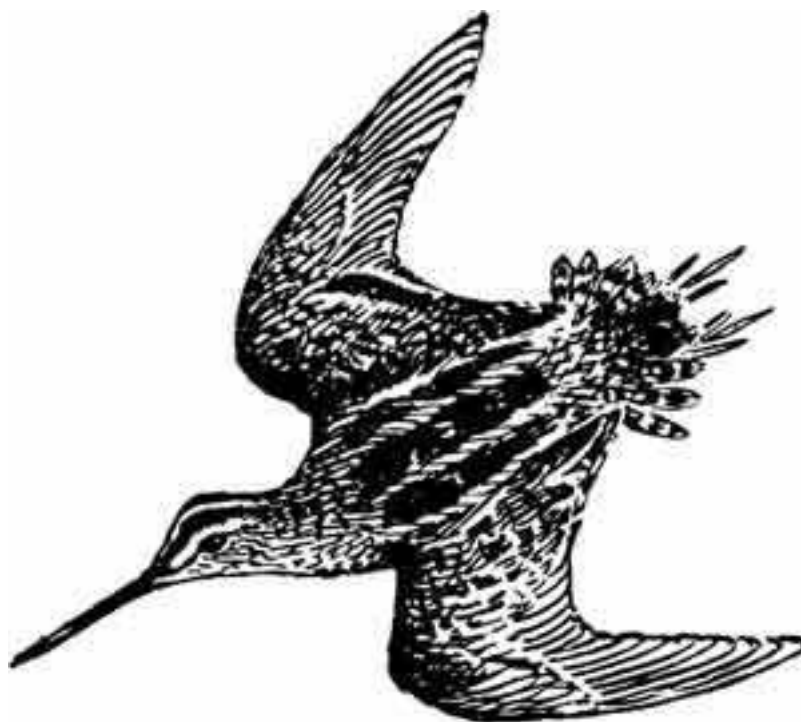

Любители танцев – бархатные ткачи относятся к группе огненных ткачей, отличающихся контрастным, красным и жёлтым цветом оперения. Собравшись на свои танцплощадки, представляющие собой почти лишённые растительности пятна земли в саванне, до полуметра в диаметре, в центре которых торчат пучки злаков, самцы с резкими взмахами крыльев поочерёдно, а иногда и одновременно, весело и напористо подпрыгивают на полметра вверх, издавая при этом очень громкие крики.

Все птицы во время брачного периода становятся оживлёнными, задиристыми и агрессивными, но есть и исключения. Китоглав – одно из наиболее причудливых созданий птичьей эволюции. Он обитает в обширных прибрежных топях африканских рек, среди непролазных зарослей папируса. Знаменитый клюв китоглава, напоминающий старинный деревянный башмак, послужил причиной английского и немецкого названий этой птицы – «башмакочлюв». Клюв этот столь тяжёл, что птица вынуждена большую часть времени опираться им на свою грудь. Китоглав питается в основном рыбой и лягушками, охотясь на них на мелководье, и делает это он с весьма смешной медлительностью и осторожностью. Обладая явно флегматичным характером, китоглав очень часто пребывает в задумчивом одиночестве даже в самый разгар брачного периода.

Токовые полёты

Демонстративное поведение часто проявляется не только пением и танцами, но и токовыми полётами, которые сопровождаются самыми разными звуками. Стремительные токовые полёты бекаса и гаршнепа с резкими подъёмами и пикированием с высоты хорошо известны охотникам. Характерные блеющие звуки бекаса во время этих воздушных игр создаются вибрацией крайних перьев хвоста, а гаршнеп, птица в обычной жизни весьма незаметная и молчаливая, издаёт при резком снижении во время ночного тока звук, похожий на топот лошади при галопе. Именно это звуковое сопровождение токовых полётов и послужило причиной народных названий этих птиц – «барашек» для бекаса и «ночной извозчик» для гаршнепа.

Наиболее знаменитый токовый полёт лесных куликов, называемый охотниками «тяга», принадлежит вальдшнепу. Это большая птица с прекрасными огромными глазами, длинным прямым клювом и замечательным по красоте рисунком оперения, которое издали подобно цвету опавших листьев. Она не очень активна в дневное время. Весной, а иногда и летом, сразу же после захода солнца, в течение первой части или всей ночи, вальдшнепы-самцы довольно медленно летают («тянут») над лесом, придерживаясь вырубков, опушек и мелко-лесья. Во время этой тяги они издают звуки двух типов – «хорханье» («хорх-хорх-хорх») и цыканье. Временами из ночной темноты раздается ответное цыканье самки, или же она взмывает вверх и тут же снова садится, и самец резко ныряет вниз. Этот особый, «прогулочный» тип встречи и спаривания присущ только вальдшнепу. Стрельба по силуэтам таких «тянущих» в сумерках женихов, распираемых весенним ажиотажем и вожделением, составляет весьма популярный и даже страстно любимый вид охоты, многократно описанный в русской классической литературе. Впрочем, на вальдшнепа охотятся и во время его зимовки в Западной Европе. Спасти их, то есть поддерживать более или менее стабильную численность популяций, может только неопределённый и беспорядочный тип сексуальных связей.

Токовые полёты характерны и для мелких певчих птиц, таких, как жаворонки, коньки и некоторые славки. Наиболее известна всем радостная, бесконечно льющаяся, жизнеутверждающая песня полевого жаворонка. Он поёт трепеща крыльями и повисая высоко в небе почти на одном месте. В отличие от него, лесной жаворонок, или юла, которого легче услышать, чем увидеть, во время исполнения своей замечательно нежной и музыкально совершенной песни, временами описывает широкие круги над лесом и полянами, а иногда поёт и в лунные ночи.

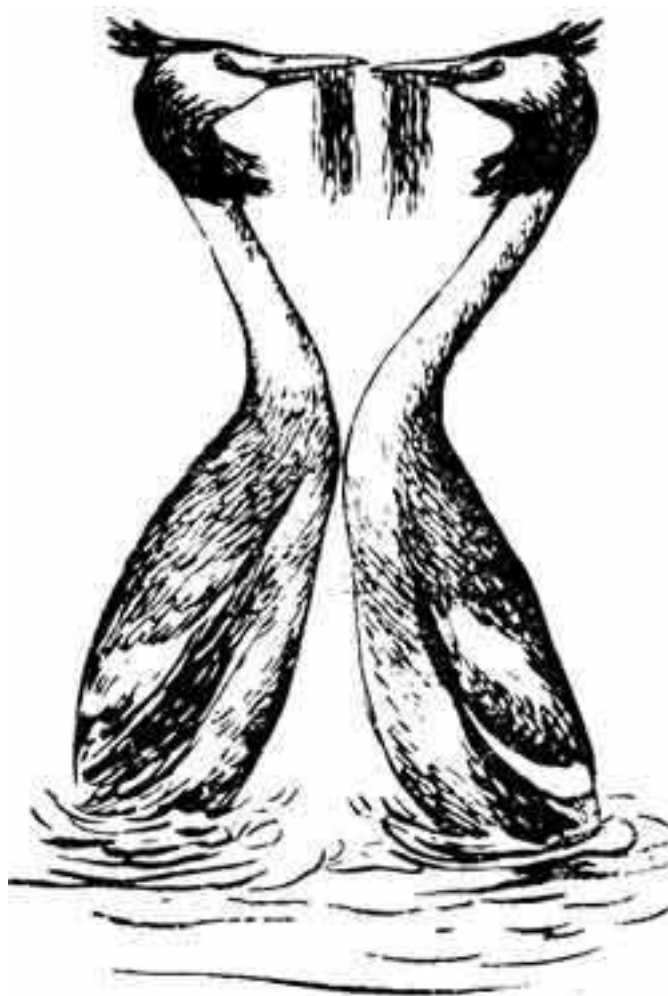
Лесной конёк, обычная наша лесная птица, может исполнить свою песню, восседая на вершинке какого-нибудь деревца. Но чаще всего он с громкой трелью круто вздымается в воздух, а потом, на полураскрытых крыльях, медленно и очень наклонно опускается на поляну, издавая свое характерное «сиа-сиа-сиа». Иногда в воздух с песней взлетают и славки, обычно поющие в кустарнике и высокой траве. Во время таких песенных взлетов, как это часто бывает у нашей весьма многочисленной серой славки, птица поднимается невысоко, по наклонной линии, и, мгновенно исполнив песню, тут же ныряет снова в заросли. Несомненно, что таким образом самцы пытаются продемонстрировать свое присутствие не только звуками, но и собственным появлением на конкурсной брачной сцене.

Показательные выступления партнёров

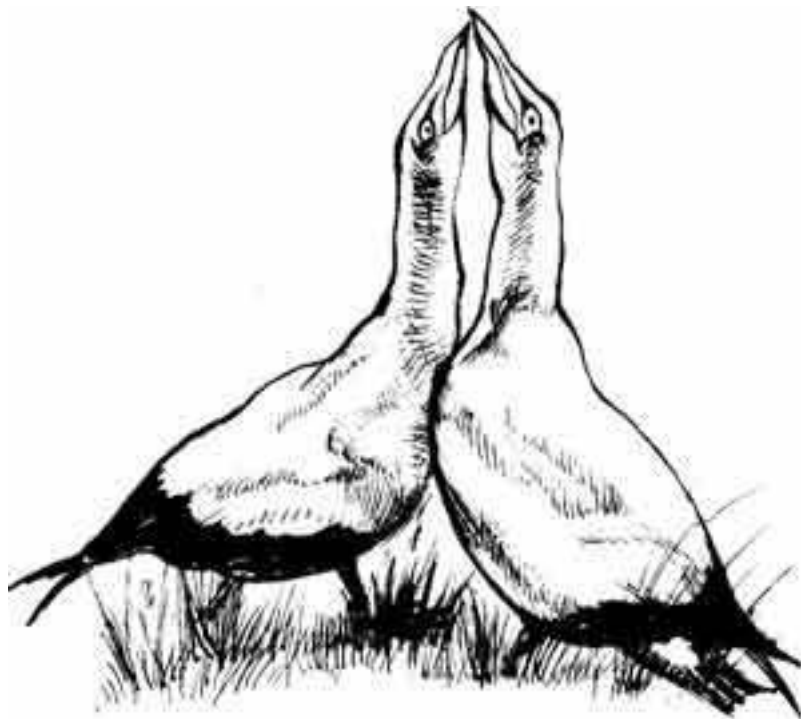
Когда оба пола внешне неотличимы, и самец, и самка часто ведут себя при брачных церемониях совершенно одинаково, исполняя нечто вроде показательных выступлений при синхронном плавании. Так проявляют себя, например, чомги – интереснейшие водные птицы весьма элегантной внешности, с шелковистым белым оперением нижней части тела, с изящной головой, украшенной стоячим «воротником» из рыжеватых перьев и с приподнимающимися иногда в виде рожек темными перьями на затылке. Они обладают великолепной пластикой движений. Самец и самка, вытянув шеи и расправив «воротники», подплывают друг к другу, почти сближаясь головами, и начинают свои танцы, при которых голова с 5 полураскрытым клювом синхронно двигается в противоположную, чем у партнёра, сторону, до нескольких десятков раз.

Когда брачная пара уже образовалась, супруги временами, от избытка нахлынувших чувств, подплывают друг к другу и, синхронно приподнявшись над водой, соприкасаются грудью, держа в клюве пучки водной растительности. Такое поведение является специфической формой ритуального кормления.

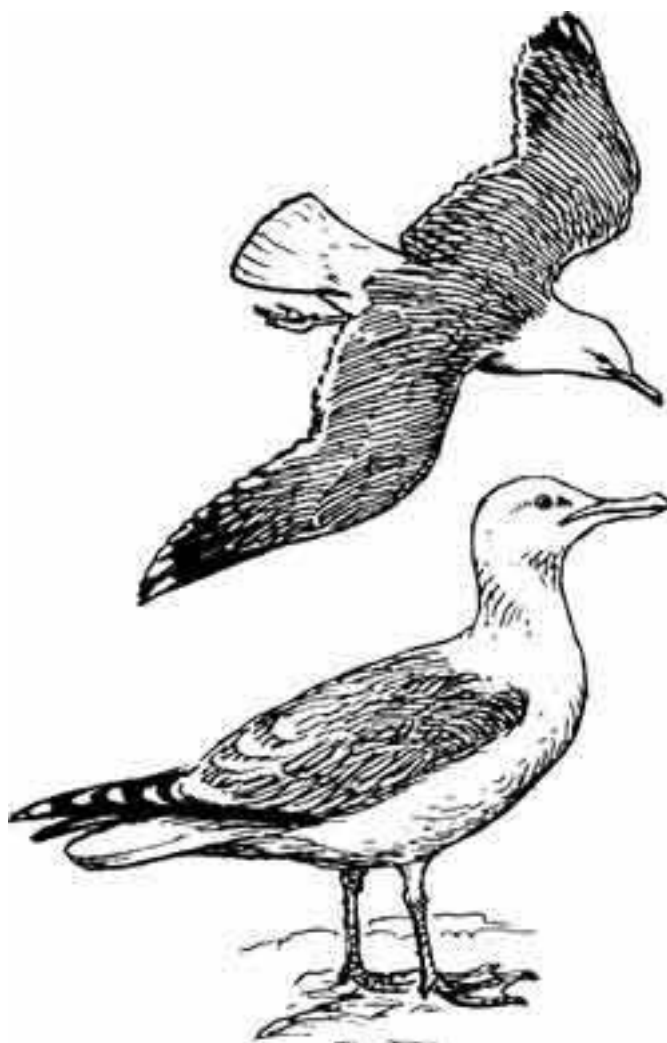
Самцы олуши, замечательного морского ныряльщика весьма эффектной и запоминающейся внешности, в брачный период отличаются часто повторяющимися поклонами. При этих поклонах птица распускает крылья, поднимает хвост и опускает голову до самых лап.

После этого самец и самка тесно сближаются, распустив крылья и вытянув к небу клювы, и интенсивно раскачивают головами, издавая мерные хриплые звуки. Их клювы при этом стучат подобно кастаньетам или же касаются друг друга, как ножи при их затачивании на оселке.

Брачные церемонии

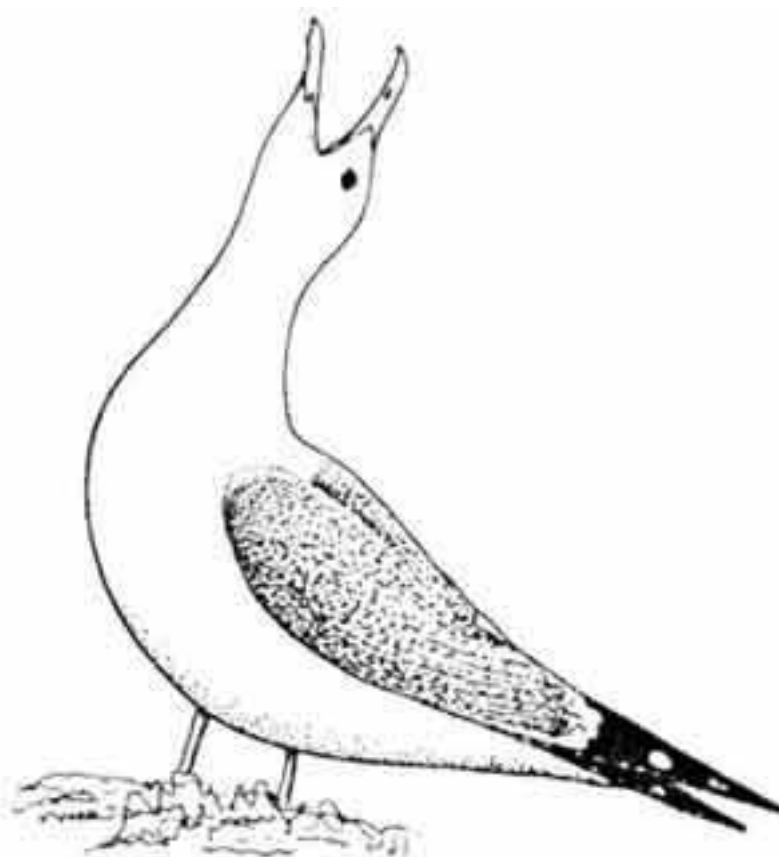
Среди крикливого и всесветно распространенного племени чаек один из наиболее обычных видов – серебристая чайка. Эта крупная птица горделивого облика с мощным жёлтым клювом, украшенным маленьким красным пятном, гнездится большими колониями в самых разных местах – на песчаных побережьях, на скалах, на болотистых низменностях и даже на крышах разных строений. Хотя питается она в основном рыбой, моллюсками и иглокожими, её можно назвать всеядным существом. С таким же удовольствием она поедает мышей, ящериц, насекомых, а также яйца и птенцов птиц, отбирая их у своих ближайших соседей. Хищнические наклонности серебристых чаек иногда ставят под угрозу существование других птиц, обосновавшихся для гнездования на тех же островах и побережьях. Чайки столь же опасны для пернатых соседей, как и серые вороны, из-за обилия которых численность гнездящихся в садах и парках многих видов певчих птиц – славок, дроздов, зябликов – неуклонно сокращается.

Появляясь весной на местах размножения в великолепном, обновлённом сверкающе-белом брачном наряде, серебристые чайки часто прилетают уже супружескими парами. Как считает лауреат Нобелевской премии, этолог Нико Тинберген, долгие годы проводивший в наблюдениях за жизнью чаек, это старые пары, которые уже выводили птенцов в этом

месте. Супруги сохраняют верность не только друг другу, но и месту своего прежнего гнезда. Несмотря на раздельную жизнь в зимнее время, члены супружеской пары узнают друг друга «в лицо»; после прилёта они разыскивают друг друга даже за пределами колонии и с этого момента всегда держатся рядом. Супругов узнают не только по внешности, но и по голосу. Когда один из них, насиживая яйца, засыпает, то только голос возвращающегося партнёра заставляет другого открыть глаза среди всей суеты и постоянного гвалта других птиц этой колонии.

Образование новых брачных пар у серебристой чайки (а они приступают к первому размножению в солидном возрасте пяти-шести лет) происходит, как и у многих других птиц, путём эффектного демонстративного поведения, в котором ясно видна внутренняя борьба между агрессией и половым влечением. Некоторые пары образуются недалеко от собственно гнездовой колонии, в местах, которые называются «клубами», там, где обычная групповая жизнь чаек протекает за чисткой перьев, дремотой или какими-то стычками.

Инициатива образования новой пары принадлежит самке. Как пишет Нико Тинберген, самка направляется к самцу, втянув шею, а голову и туловище вытянув горизонтально. Время от времени она вздёргивает голову, издавая мелодичное слово «клиу». Самец на эти действия вытягивается, чтобы выглядеть внушительнее, и осматривается, словно разыскивая возможных противников. Если рядом действительно находятся самцы, то он, приняв угрожающую позу, направляется к ним. Если же рядом нет конкурентов, самец может испустить характерный «мяукающий» крик и начинает проделывать имитацию постройки гнезда, издавая звуки «кашлянья, или квохтанья». Весь набор поз и криков демонстрационного поведения серебристой чайки, тщательно изученный и классифицированный орнитологами (а есть ещё так называемые «долгий крик», «дёрганье травы», «прямая поза» и «сгорбленная поза») весьма стандартен, повторяется у всех особей и характерен также и для других крупных чаек. После

образования пары, непосредственно перед спариванием, самка вздергивает голову и издаёт крик выпрашивания корма, побуждая самца отрыгивать пищу; но он часто сам издаёт просящий крик и начинает также дергать головой. Перед самой копуляцией самец испускает ритмичные хриплые звуки, после чего вспрыгивает на спину самке. Копуляция, как это часто бывает у птиц, повторяется несколько раз.

Некоторые наблюдатели за колониями пингвинов считали, что эти птицы, как ни странно, не сразу способны опознавать пол друг друга, и поэтому они решают эту проблему методом проб и ошибок. При типичном ухаживании самец осторожно приближается к другой птице и кидает ей на ноги камешек. Если птица оказывается самцом, он может начать драку, а если самкой, то она может либо проигнорировать эти попытки ухаживания, либо же начать вместе с ухажёром брачную церемонию. У разных видов пингвинов эта церемония состоит в глубоких ритмических поклонах, вытягивании клювов кверху в позе экстаза, трубных звуках, касании шеями.

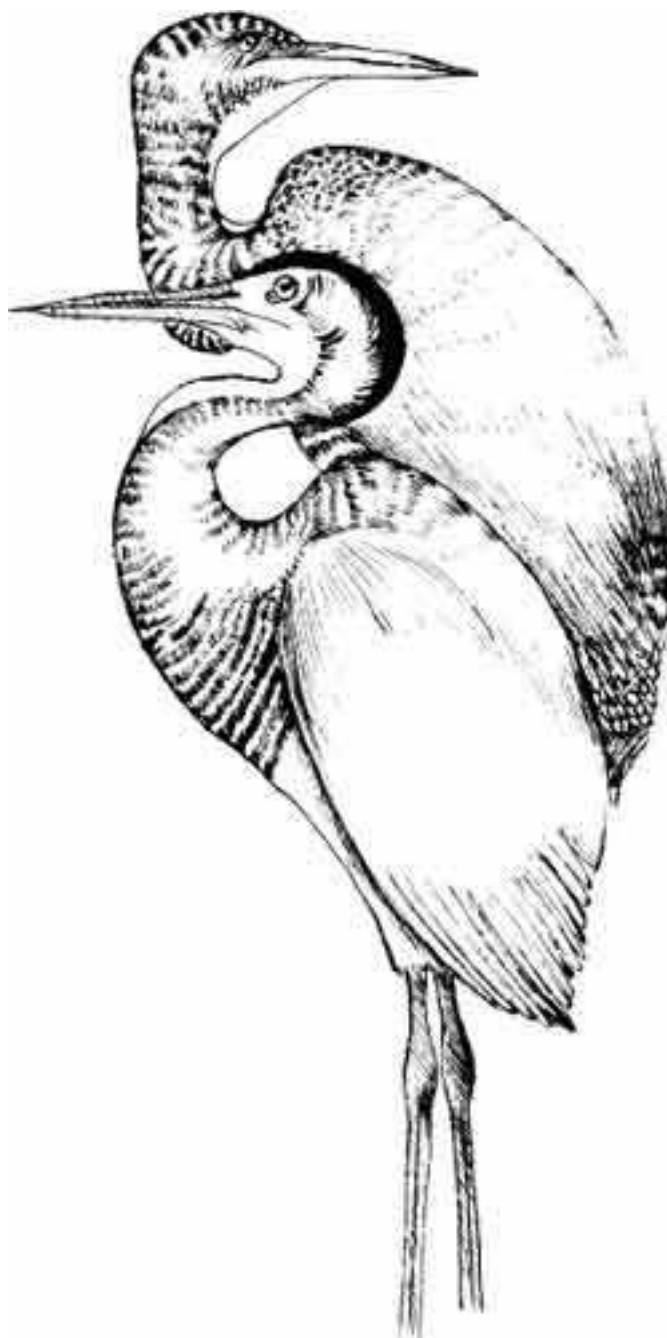
Несмотря на некоторую спорность вопроса о способах опознавания пингвинами противоположного пола, наблюдения орнитологов за колонией пингвинов Адели подтверждают существование затруднений у птиц в этом отношении. Холостые самцы, захватив территорию в пределах колонии, начинают выскребать гнездовую ямку и укладывать по её краям камешки, собирая их где-нибудь рядом или же просто воруя из уже построенных гнёзд зазевавшихся соседей. Временами, прервав эту работу, они принимают свою знаменитую «позу экстаза», когда, выпятив грудь и вертикально задрав голову с приподнятыми перьями на затылке, птицы издают повторяющиеся и усиливающиеся до экстаза звуки, оповещающие всех об их немедленной готовности создать семью. Крылья при этом бьются в быстром равномерном ритме, а грудь интенсивно вибрирует. При приближении любой другой птицы, как самца, так и самки, холостяк обычно реагирует поворотом головы назад с опущенным вниз клювом и приподниманием перьев на затылке. Его глаза при этом искоса, но пристально следят за вторгающимся пингвином. Этого оказывается достаточно, чтобы отпугнуть самца или же ту самку, которой этот холостяк не приглянулся. Однако другие самки могут продолжать приближаться к выжидающему холостяку. Всё его поведение говорит о том, что он издали не способен отличить пол приближающегося пингвина. Самка, проявляющая интерес к холостяку, начинает приближаться к нему всё ближе и ближе, но идет она боком, шаркающей походкой и тоже с повернутой набок и опущенной головой. В конце концов холостяк, сделав глубокий поклон, садится на гнездо и начинает перебирать клювом камешки, что должно ясно показать, что он доволен незнакомкой и согласен её принять.

Детские впечатления как основа взрослой жизни

Способность адекватного восприятия своего полового партнёра у птиц, как и у многих других животных, не является целиком врожденной и формируется в процессе младенческого развития. Это впервые доказал нобелевский лауреат, зоолог и этолог Конрад Лоренц, заложивший основы учения об импринтинге, то есть запечатлении. В ранний период становления птицы в её памяти фиксируется облик матери или же, при ее отсутствии, любых существ или даже неживых объектов. Наиболее чётко запечатление проявляется у так называемых выводковых птиц – у гусей, уток, куриных, журавлей, у которых птенцы вылупляются из яиц зрячими, с открытыми слуховыми проходами, способными сразу же двигаться за родителями. Сам Конрад Лоренц прекрасно это доказал на собственном примере с гусятами, которые запечатлели его с рождения и, воспринимая человека как мать, всюду следовали за ним.

Хотя фиксация при запечатлении весьма жёсткая, она не всегда необратима. Самец южноамериканской тигровой цапли, выращенный сотрудником амстердамского зоопарка, очень ярко проявлял к этому воспитателю поведение полового ухаживания, но когда ему подсадили самку, быстро образовал с ней брачную пару, и самка вскоре построила гнездо и отложила яйца. Однако стоило воспитателю однажды появиться в пределах их клетки, самец яростно прогнал с гнезда самку и с присущими этим птицам церемониями пригласил человека насиживать кладку.

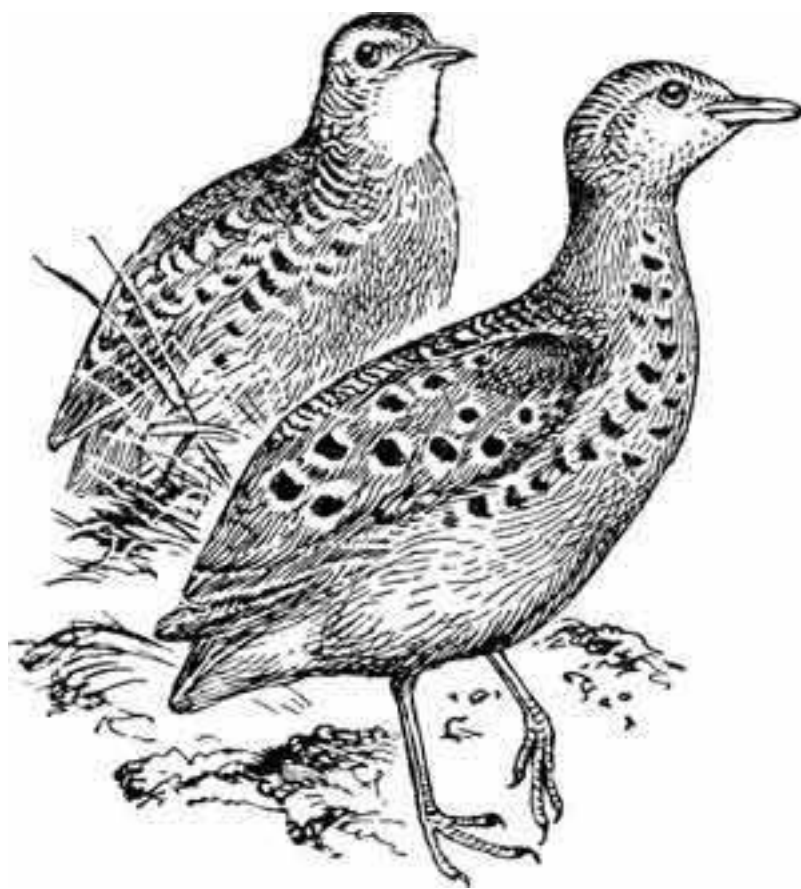

Запечатление свойственно и другим видам птиц, например, попугаям. Некоторые самцы австралийских волнистых попугайчиков – самого распространённого из попугаев у любителей домашнего содержания птиц, с первых дней своей жизни воспитанные в непосредственном контакте с человеком и лишённые общества себе подобных, воспринимают человеческие пальцы как своего полового партнёра и в моменты возбуждения пытаются с ними копулировать. Швейцарские зоологи провели серию специальных экспериментов с молодыми волнистыми попугайчиками разной окраски оперения, которые до начала опытов воспитывались с птицами только своей окраски. Подопытных помещали в среднее отделение клетки, где с одной стороны были голубые попугайчики, а с другой – зелёные. Поведение птиц фиксировалось на киноплёнке. Оказалось, что при выборе полового партнёра попугайчики предпочитали птиц своей окраски, и у зелёных это было выражено сильнее, чем у голубых, а у самок – в большей степени, чем у самцов. Птицы, окрашенные иначе, чем их родители, братья и сёстры, выбирали партнёров, похожих по окраске на родителей.

Исследователи пришли к выводу, что запечатление происходит с десятого дня после вылупления, т. е. со дня открывания глаз птенцов, поскольку окраска оперения птенцов отчетливо различима только на пятнадцатый день жизни.

Разноцветье самцов и самок – путь к успеху

У многих птиц различия во внешности самцов и самок, или так называемый половой диморфизм, проявляется прежде всего в окраске оперения (половой дихроматизм). Самцы у большинства птиц, как известно, гораздо ярче самок. Наиболее простой пример таких различий – оперение всем известных снегирей, у которых грудь и брюшко красное у самцов и серое у самок. Менее заметная окраска самок птиц несомненно выработалась в процессе эволюции как необходимость скрытного нахождения на гнезде во время насиживания яиц и согревания птенцов, а более заметная окраска самцов – как одна из форм привлечения внимания при демонстративном поведении.

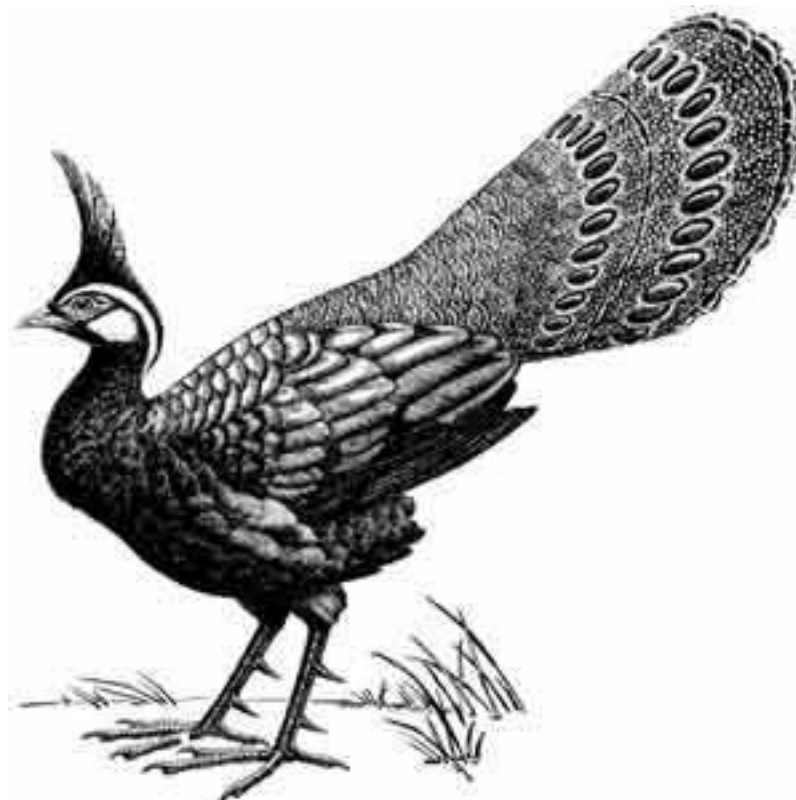
И только у очень немногих птиц, таких, как плавунчики, цветные бекасы, трехперстки, у которых всю работу домохозяйки, включая насиживание яиц, выполняют самцы, именно самки проявляют инициативу при ухаживании, чванливо демонстрируя свое пышно расцвеченное оперение и борясь с другими самками за обладание скромно окрашенными хозяйственными и покорными мужьями. У трёхперсток (один вид этих птиц обитает у нас в Приморье), по внешнему виду и поведению весьма напоминающих перепелов, но очень далеких от них по происхождению и систематическому положению, нет брачных пар. Самки поочередно спариваются с несколькими самцами, дружно откладывают яйца и спокойно удаляются восвояси, а вся последующая тяжелейшая забота о потомстве полностью ложится на самцов.

Некоторые формы брачных игр птиц поражают воображение сходством их действий с нашим пониманием праздников и декоративного устройства жилища. Наиболее эффектны

в этом отношении австралийские беседковые, или шалашниковые, птицы. Самцы у них не отличаются особо ярким оперением, они не ограничиваются просто выбором специальных мест для брачных игр, а создают их сами. Из травы и веток они строят специальные «беседки» в виде небольших шалашиков, пол которой и «танцевальную площадку» перед ними украшают всякими яркими предметами – раковинами, камешками, цветами, ягодами, отдавая явное предпочтение ярко-голубому цвету. Некоторые из них, проявляя себя настоящими декораторами, размочаливают веточки одного из местных растений и выделяющимся синеватым соком окрашивают траву перед входом в беседку. Всё это сооружается с единственной целью – привлечь в дом свою избранницу, с которой каждый самец тут, в окружении всего своего великолепия, совершает брачную церемонию и спаривается. На этом его брачная деятельность кончается, и дальнейшая судьба подруги и детей его не интересует. Самка строит гнездо, насиживает яйца и выкармливает птенцов в полном одиночестве.

Любое отличие во внешности и особенно в окраске оперения – самый простой и мгновенный способ опознать противоположный пол даже на большом расстоянии. Наиболее ярко это проявляется у птиц с разными украшающими пучками перьев, иногда громадной длины и чрезмерной пышности, что используется самцами при разных формах ухаживания за самками. Если у некоторых певчих птиц принадлежность к мужскому полу можно установить только по более ярким тонам одной и той же цветовой гаммы, что и у самок, а, например, у ряда дятлов взрослых самцов можно отличить лишь по небольшому красному пятну на голове, то искусно «работая» с другими видами птиц, природа не стала сдерживать свои фантазии. У обыкновенного павлина, например, его знаменитый веерообразный хвост (который, на самом деле, – только гигантски развитые верхние кроющие хвостовые перья), усыянный бронзово-синими и зелёными «глазками» – основной инструмент для привлечения самок, несмотря на обладание и другими украшениями – блестящим оперением с зелёным и пурпурным отливом и изящной короной из тонких перьев. Распускание и складывание хвоста во время брачных демонстраций, сопровождаемое особым треском стержней перьев, предназначено исключительно для самок, выбирающих себе партнёра с наибольшим количеством «глазков», т. е., по-видимому, наиболее зрелого и опытного.

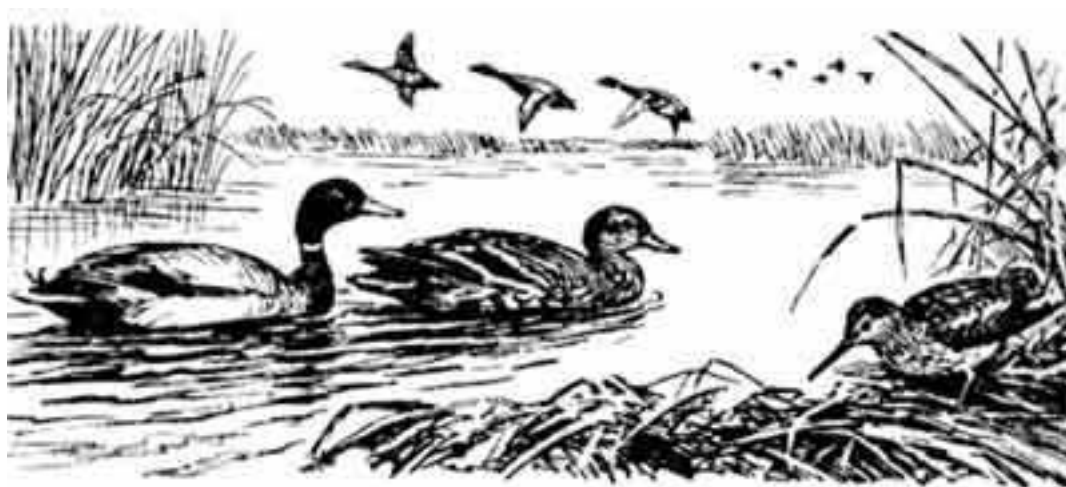

Среди других птиц с выраженным половым дихроматизмом весьма эффектны и разные виды фазанов с блестящим золотистым и серебристым оперением, и калейдоскопически разноцветные колибри, обитающие в Южной и Северной Америке, и столь же блестящие и также питающиеся на цветах нектарницы, живущие в Старом Свете. Яркость брачного наряда у некоторых птиц, например у овсянок, жаворонков, зябликов, достигается всего лишь обнашиванием кончиков перьев – каёмок, скрывающих всё сочное многоцветье весенних птичьих костюмов.

Наряду со сменой перьев у многих птиц происходит и кардинальное изменение окраски роговых покровов и кожных выростов, которые приобретают к периоду брачного ухаживания пышность форм и яркость цвета. Всем известен, например, мясистый нарост, свешивающийся со лба индюка и при токовании наливающийся кровью. Но, пожалуй, самое экстравагантное брачное украшение из собственной кожи образуется у фрегатов – крупных морских птиц, живущих на тропических островах Индийского и Тихого океанов. Эти морские разбойники – клептопаразиты, поскольку добывают свою пищу, заставляя других морских птиц – чаек, бакланов, олуш, бросить свою добычу, которые фрегаты тут же и подхватывают. В брачный период на горле самцов развивается большой кожный мешок ярко-алого цвета, использующийся как резонатор при их весьма негромких попытках вокализации. Мешок этот столь огромен, что при максимальном его раздутии голова и клюв фрегата едва высовываются на вершине мешка.

Замечательны своим ярким оперением и наши обычные виды уток, у которых всё великолепие окраски природа отдала селезням. Во время весеннего оживления, на водной поверхности селезни принимают разные позы, демонстрируя яркие части своего оперения. Буроватая покровительственная окраска их подруг, иногда весьма схожая у разных видов, по-видимому затрудняет опознавание селезнями своего вида. Брачное возбуждение селезней настолько велико (охотники и орнитологи хорошо это знают), что на призывный крик самки часто слетаются все окрестные селезни, уже имеющие пару, а часто и самцы другого вида уток. Зоолог Владимир Теплов, проводивший в Окском заповеднике специальный учёт прилёта селезней к уткам, выяснил, что к подсадной крякве подлетали не только самцы кряквы, но и селезни шилохвости, широконоски, серой утки, чирков, свиязи, а в конце сезона размножения другие виды были даже многочисленнее селезней кряквы. Следовательно, как это ни странно, но селезни не могут правильно опознать по внешности и голосу самок своего вида. Всё это происходит обычно в тот период, когда супруги этих гуляк приступают к откладке яиц. Не потому ли именно у уток так часто встречаются гибриды между разными видами?

У некоторых других видов уток, например, у красноногого нырка, у савки, брачных пар не возникает. Каждая самка в процессе коллективных игр по собственной инициативе

спаривается поочерёдно с двумя, а иногда и с несколькими самцами. И всё же у большинства уток основная роль в брачном поведении принадлежит селезням. Наблюдения за весенней суетой в скоплениях уток приводят к выводу, что принудительная копуляция с чужими самками – основное занятие самцов в это время года. Очень часто за одной самкой устремляются сразу несколько ухажёров, но цели достигает лишь один. Удивительно, но, в отличие от многих других птиц, постоянный, «законный» селезень такой самой привлекательной самки очень редко оберегает её от посягательств конкурентов и чаще всего проявляет как бы специально подчеркнутое равнодушие к происходящему.

Наиболее разноцветная и яркая из всех уток – мандаринка, живущая в России на Дальнем Востоке. Оперение самцов мандаринки может соперничать с любой из самых причудливых птичьих расцветок, и особенно впечатляют опахала внутренних маховых перьев, образующих элегантно изогнутые рыже-фиолетовые веера. В отличие от других уток, селезни весьма привязаны к своей супруге и во многих случаях не покидают её до конца размножения.

Среди тех птиц, самцы и самки которых никак не различаются по цвету оперения, очень яркой и контрастной окраской отличаются многие виды турако, или бананоедов. Эти крупные, весьма подвижные и крикливые птицы, обитающие в африканских лесах и саваннах, – ближайшие родственники кукушек. Их небольшие стайки держатся в кронах деревьев, а их фруктовая и ягодная (но отнюдь не банановая) диета дополняется гусеницами и другими формами насекомых. Интересная особенность бананоедов – присутствие в перьях особых пигментов, содержащих медь. Именно благодаря меди оперение этих птиц представляет собой разные оттенки зелёного, красного, фиолетового и синего цветов. Вызывающе яркая окраска дополняется у некоторых видов столь же разноцветными хохлами и очень ярко окрашенным клювом. Стайная жизнь прекращается у них только на время размножения, поскольку все бананоеды – строгие моногамы.

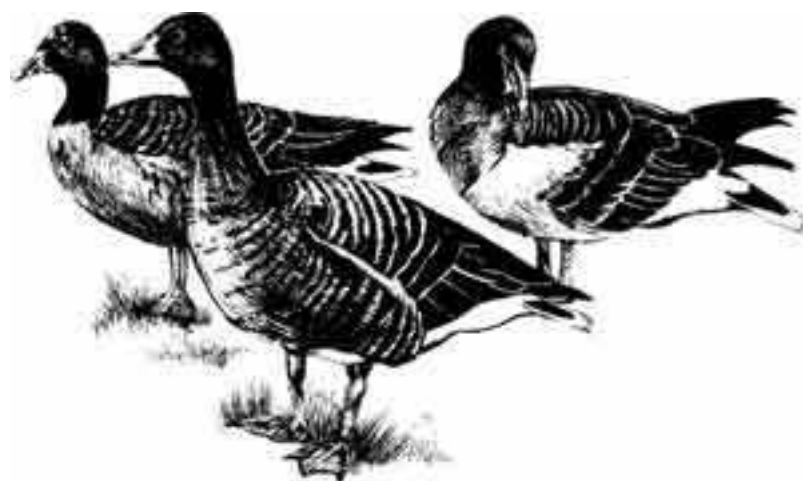
Гусь – образец степенного семьянина

Гуси и казарки почти всех видов – птицы с одинаковой окраской оперения самцов и самок. В мире насчитывается 15 видов собственно гусей и казарок. Обитают они в Европе, Азии и Северной Америке. Половозрелость наступает не ранее двух, трёх, а иногда и четырёх лет. Для них характерно единобрачие и довольно постоянные брачные связи. Как и утки, это так называемые выводковые птицы – птенцы вылупляются покрытыми пухом и, обсохнув, покидают гнездо, следуя за родителями.

Наиболее ярким оперением – красно-бело-чёрным, отличается красnobая казарка. Эта замечательная птица гнездится только в пределах России и поэтому среди специалистов считается орнитологическим символом нашей страны. Она населяет тундры Западной Сибири и гнездится на крутых обрывах рек небольшими колониями – по 5–8, иногда по 16 пар. Половой зрелости птицы достигают в трёхлетнем возрасте и кладку из 6–8 яиц насиживает только самка, но самец постоянно находится вблизи гнезда. Некоторые самки настолько самозабвенно предаются насиживанию яиц, что подпускают подходящего к ним человека на расстояние нескольких шагов. Самое любопытное в гнездовой жизни этой казарки – обязательное соседство с гнездом сокола-сапсана, или же, в более редких случаях, с гнездом мохноногого канюка, которые оповещают об опасности и выступают в роли защитника от всех хищников, посягающих на потомство казарок.

Весной, как и всех птиц, гусей и казарок охватывает любовная горячка, но поскольку гуси – существа неторопливые и полны собственного достоинства, их игры и схватки самцов проходят деловито и размеренно. Как это происходит в природе, можно наблюдать на примере нашего домашнего серого гуся. В селе Павлово Нижегородской области уже более 300 лет проводится весенняя народная забава – гусиные бои. И хотя в советское время они были запрещены, но сейчас вновь возродились, поскольку остались и знатоки этого дела, и, самое главное, знаменитые павловские бойцовские гуси. Обычно для схватки стараются выпустить гусей из разных деревень, чтобы они ранее не были лично знакомы друг с другом. Тут же выпускаются на площадку и гусыни, «подбадривающие» своих супругов и женихов громким гоготаньем. Гуси должны биться крыльями, а если и хватать соперника, то только за крыло, а не за голову. Проигравшим считается гусь, спасающийся бегством с поля боя.

Феерические игрища райских птиц

Самыми причудливыми украшениями самцов обладают, конечно, райские птицы. В XVI веке европейцев настолько изумили привезённые из кругосветного путешествия корабли под руководством Магеллана шкурки этих птиц, что они подумали об их неземном происхождении; поэтому птицы получили название райских. Их популярность была такой, что элементы оперения стали использоваться европейскими модницами в качестве женских украшений. Разумеется, это чуть было не привело к исчезновению некоторых видов райских птиц. Наиболее пострадала истребляемая сотнями тысяч малая райская птица из-за своих пышных рассученных перьев нежных желтоватых оттенков.

У более чем сорока видов райских птиц, обитающих в Новой Гвинее, на Молуккских островах и в Австралии, самцы отличаются не только цветом оперения, которое переливается всеми цветами радуги, но и причудливым набором демонстративных перьев разных форм в виде воротников, хохлов, шлейфов, выпелов и «проволочных» спиралей. Рядом с такими разукрашенными самцами их самки выглядят столь невзрачно, что иногда трудно поверить в их принадлежность к одному и тому же виду.

В период размножения «райские» женихи этих сугубо лесных птиц слетаются на специальные токовища, постоянные из года в год, где и начинаются их брачные игры. Игрища эти весьма причудливы. Самцы приподнимают и опускают наиболее выигрышные части своего оперения, раскачиваются из стороны в сторону, вытягиваются в струнку или сжимаются, чтобы тут же внезапно пышно «раздуться». Некоторые самцы висят вниз головой или крутятся на ветке, как на турнике, стараясь как можно ярче продемонстрировать свое величие. Всё это сопровождается громкими брачными воплями, обращёнными к своим потенциальным подругам. Пожалуй, наиболее экстраординарными аксессуарами для ухаживания обладают самцы тех райских птиц, которых назвали соответствующими видовыми именами – королевская, чудная, великолепная и двувымпеловая. У последней с головы спускается пара очень длинных и узких теменных перьев, причём каждое перо расчленено на тридцать маленьких голубых участков, как бы нанизанных на сверкающий стержень пера. Сама птица – не больше скворца, а длина каждого из этих перьев – по полметра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.